

Страшилки

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Страшилки

<https://litres.ru/74645924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять леденящих историй, где обычные дети встречаются необычное: шёпот из дупла, пуговицы-глаза, эхо с опозданием и автобус, которого не должно быть. У каждого героя — своё имя и своя тайна. Финал всегда остаётся открытым: закрыта ли дверь, погас ли свет, и кто смотрит из зеркала? Для смелых читателей, готовых заглянуть за грань.

Содержание

Шёпот в старом парке	4
Коллекционер пуговиц	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Eyforis Lurt

Страшилки

Шёпот в старом парке

В самом сердце старого парка, куда редко заглядывали взрослые и куда дети приходили только по большим праздникам, рос древний дуб. Ему было столько лет, что даже самые старые жители города не помнили, когда он был молодым. Его ствол был настолько широким, что трое взрослых мужчин, взявшись за руки, едва могли обхватить его. Кора покрылась глубокими морщинами, словно лицо старца, повидавшего множество зим и весен. Ветви дуба раскинулись так широко, что под ними могла укрыться целая семья от летнего зноя или осеннего дождя. А в самом низу, почти у самых корней, зияло огромное дупло — чёрное, таинственное, с краями, обросшими мягким мхом.

Эларе было девять лет, и она любила этот парк больше всего на свете. Каждое утро, едва проснувшись и проглотив завтрак, она убегала сюда, чтобы провести время в своём любимом месте. Она знала здесь каждый уголок, каждую тропинку, каждую скамейку. Она могла часами сидеть под древним дубом, наблюдая за муравьями, снующими по ко-

ре, или слушая, как ветер шелестит листвою. Иногда ей казалось, что деревья шепчутся между собой, рассказывая друг другу древние истории. Она была уверена, что у каждого дерева есть свой характер: берёзы были весёлыми и болтливыми, клёны — задумчивыми и мечтательными, а дубы — мудрыми и молчаливыми.

В то утро Элара пришла в парк раньше обычного. Солнце только-только поднялось над горизонтом, и длинные тени деревьев лежали на траве, словно вытянутые пальцы. В воздухе пахло утренней росой и влажной землёй. Птицы ещё не начали свой громкий утренний концерт, и в парке стояла та особенная тишина, которая бывает только на рассвете, когда весь мир словно затаил дыхание перед началом нового дня.

Девочка подошла к своему любимому дубу и присела на корточки перед дуплом. Оно всегда казалось ей загадочным — слишком большим для простого дупла, слишком тёмным, слишком глубоким. Она часто заглядывала внутрь, но видела только черноту и иногда — маленьких жучков, снующих по внутренним стенкам. Но в это утро всё было иначе.

— Элара... — раздался тихий шёпот из глубины дупла.

Девочка замерла. Она была уверена, что ей послышалось. Ветер, наверное, играет с листьями, и звук случайно сложился в её имя. Такое бывает — когда долго вслушиваешься в тишину, начинаешь слышать вещи, которых на самом деле нет.

— Элара... — повторил голос, чуть громче и отчётливее.

Теперь она точно знала, что не ошиблась. Голос был мягким, ласковым, словно тёплый ветерок, и в то же время глухим, словно исходил из самой земли. Он не был ни мужским, ни женским — в нём было что-то такое, что не поддавалось определению. Он звучал одновременно близко и далеко, словно эхо, вернувшееся из долгого путешествия.

— Кто здесь? — прошептала Элара, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Не бойся, — ответил голос. — Я — друг. Я ждал тебя очень долго.

Девочка заглянула в дупло. Внутри было темно, но теперь она заметила что-то, чего раньше не видела. Глубоко внутри, в самой дальней точке этого тёмного пространства, мерцал слабый огонёк. Он был тёплым, золотистым, словно свет далёкой свечи или отблеск заходящего солнца.

— Что ты хочешь? — спросила Элара, стараясь говорить храбро, хотя колени у неё слегка дрожали.

— Я хочу показать тебе самое интересное место на свете, — ответил голос, и в нём послышалась улыбка. — Место, где сбываются мечты, где время течёт иначе, где каждый уголок полон чудес. Ты ведь любишь чудеса, правда, Элара?

Она кивнула, забыв, что собеседник её не видит. Она действительно любила чудеса. Она верила в волшебство, в тайные двери, в говорящих животных и в то, что за обыденностью скрывается что-то большее. Её мама часто говорила, что она слишком много фантазирует, что нужно быть серьёз-

нее, но Элара не могла и не хотела быть серьёзной. Мир был слишком удивительным, чтобы воспринимать его скучно.

— Но как я туда попаду? — спросила она. — Дупло слишком маленькое, я не пролезу.

— Присмотрись внимательнее, — сказал голос.

Элара прищурилась, вглядываясь в темноту. И вдруг она увидела. В глубине дупла, за мерцающим огоньком, была маленькая дверца. Она была сделана из тёмного дерева, с резными узорами, и её ручка блестела, словно была сделана из чистого золота. Дверца была крошечной — не больше ладони Элара, — но почему-то девочка сразу поняла, что сможет через неё пройти. В этом месте, казалось, действовали совсем другие законы.

— Видишь? — спросил голос. — Открой её и шагни внутрь. Там тебя ждёт самое интересное место на свете.

Элара колебалась. Она была храброй девочкой, но всё же понимала, что заходить в таинственные двери, которые появляются в дуплах деревьев, — не самая обычная затея. Что, если там опасно? Что, если она не сможет вернуться? Что, если это ловушка?

— Не бойся, — сказал голос, словно прочитав её мысли. — Я не причиню тебе вреда. Я хочу только показать тебе то, что ты никогда не видела. Разве тебе не интересно?

И Элара поняла, что ей действительно интересно. Она вспомнила все те истории, которые читала в книгах: о детях, попадавших в волшебные страны, о дверях в другие миры,

о приключениях, которые начинались с простого любопытства. Она всегда мечтала о таком приключении, и вот теперь оно само пришло к ней.

Она протянула руку и коснулась золотой ручки. Металл был тёплым, словно его только что держали в ладонях. Дверца легко открылась, и за ней Элара увидела не темноту, а мягкое, золотистое свечение. Оно манило её, обещая что-то удивительное.

Девочка оглянулась назад. Парк был пуст, солнце уже поднялось выше, и птицы начали свои песни. Где-то вдалеке лаяла собака, и этот звук казался таким далёким и нереальным, словно доносился из другого мира. Элара сделала глубокий вдох, зажмурилась и шагнула в темноту.

Сначала она ничего не чувствовала, кроме тепла, окутавшего её со всех сторон. Потом ей показалось, что она падает — медленно, плавно, словно перо, подхваченное ветром. В ушах стоял тихий звон, словно тысячи крошечных колокольчиков звенели одновременно. А потом она открыла глаза.

Она стояла на поляне, залитой мягким светом. Но это был не солнечный свет — он был золотистым, тёплым, словно свет от тысячи свечей. Трава под ногами была изумрудно-зелёной, и на каждой травинке блестели капли росы, переливающиеся всеми цветами радуги. В воздухе пахло чем-то удивительным — смесью цветов, мёда и чего-то ещё, чего Элара не могла определить. Что-то вроде запаха дождя, но только более сладкого.

Вокруг росли деревья — но не такие, как в обычном парке. Их стволы были покрыты серебристой корой, а листья светились мягким светом, словно внутри каждого из них горел крошечный фонарик. Между деревьями порхали существа, похожие на бабочек, но размером с птиц, с крыльями, переливающимися всеми цветами радуги. Они оставляли за собой тонкий след из мерцающей пыли, которая медленно опускалась на землю и таяла, словно снежинки.

— Добро пожаловать, Элара, — сказал голос, и теперь девочка увидела, кому он принадлежит.

Перед ней стояло существо, которое она сначала приняла за ребёнка — такого же роста, как она сама. Но при ближайшем рассмотрении оно оказалось совсем не ребёнком. У него были большие, миндалевидные глаза, светящиеся мягким зелёным светом, длинные, заострённые уши, словно у эльфа из сказок, и волосы, которые меняли цвет, словно переливаясь от серебристого к золотистому и обратно. Оно было одето в платье из листьев и цветов, и от него исходил лёгкий аромат, напоминающий запах весеннего леса.

— Кто ты? — спросила Элара, хотя страх уже ушёл, уступив место любопытству.

— Меня зовут Аэлин, — ответило существо, улыбаясь. — Я — хранитель этого места. Я ждал тебя очень долго, Элара. Ты — особенная девочка. Ты видишь то, чего не видят другие. Ты слышишь то, чего не слышат другие. И поэтому я привёл тебя сюда.

— Что это за место? — спросила Элара, оглядываясь по сторонам.

— Это место, где живут чудеса, — ответил Аэлин. — Здесь каждый уголок полон волшебства. Здесь сбываются мечты, здесь время течёт иначе, здесь можно найти ответы на самые важные вопросы. Но самое главное — здесь ты можешь узнать что-то о себе, чего ты ещё не знаешь.

Элара не совсем поняла, что имел в виду Аэлин, но не стала переспрашивать. Ей было слишком интересно осмотреться. Она сделала несколько шагов вперёд, и трава под её ногами засияла ярче, словно приветствуя её. Бабочки-птицы подлетели ближе, кружась вокруг неё, и одна из них, самая смелая, села ей на плечо. Элара засмеялась от восторга.

— Пойдём, — сказал Аэлин, протягивая ей руку. — Я покажу тебе самое интересное место на свете. Но сначала — небольшая прогулка. Ты ведь не против?

Элара покачала головой и взяла Аэлина за руку. Его ладонь была тёплой и мягкой, словно бархат. Они пошли по тропинке, которая вилась между деревьями, и с каждым шагом мир вокруг становился всё удивительнее.

Они прошли мимо ручья, вода в котором была не голубой, а серебристой, и в ней плавали рыбки, светящиеся в темноте, словно маленькие звёздочки. Ручей журчал, и его журчание складывалось в мелодию — тихую, красивую, успокаивающую. Элара остановилась, чтобы послушать, и ей показалось, что она различает слова в этой мелодии. Словно ручей

пел песню о далёких странах, о приключениях, о дружбе и о том, что каждый может найти своё чудо, если только захочет его увидеть.

Потом они прошли через поляну, где росли цветы, которые двигались, словно живые. Они поворачивали свои головки к Эларе, когда она проходила мимо, и она могла поклясться, что они ей улыбаются. Один цветок, ярко-фиолетовый, с лепестками, переливающимися, словно крылья бабочки, наклонился к ней и прошептал: «Добро пожаловать, Элара». Девочка ахнула от удивления и обернулась к Аэлину.

— Они говорят? — спросила она.

— Конечно, — ответил Аэлин. — Здесь всё говорит. Деревья, цветы, камни, ветер. Нужно только уметь слушать.

Элара прислушалась. И действительно — она начала различать голоса вокруг себя. Деревья шептали о том, что видели за свою долгую жизнь. Камни рассказывали истории о временах, когда мир был ещё молодым. Ветер приносил обрывки песен из далёких земель. Это было так удивительно, что у девочки закружилась голова.

Они шли дальше, и перед ними открывались всё новые и новые чудеса. Они видели дерево, на ветвях которого росли не листья, а маленькие звёздочки, которые мерцали и переливались, словно настоящие созвездия. Они видели озеро, вода в котором была такой прозрачной, что можно было увидеть каждый камешек на дне — а на дне лежали сокровища:

золотые монеты, драгоценные камни, старинные украшения. Аэлин сказал, что это озеро исполняет желания, но только для тех, кто приходит с чистым сердцем. Элара заглянула в воду и увидела своё отражение — но оно было не совсем таким, как обычно. В отражении её глаза светились мягким светом, словно у Аэлина, и она выглядела немного старше и мудрее.

— Почему я так выгляжу? — спросила она.

— Потому что здесь ты видишь себя настоящую, — ответил Аэлин. — Ту Эларау, которой ты станешь, когда вырастешь. Ту, которая уже живёт внутри тебя, но ещё не проснулась.

Элара долго смотрела на своё отражение, пытаясь запомнить каждую деталь. Потом она отвернулась и пошла дальше.

Они подошли к холму, на вершине которого стоял дом. Но это был не обычный дом — он был построен из облаков. Облака были плотными, словно вата, и они светились изнутри мягким светом. Дом был красивым, с башенками и балкончиками, и из его труб поднимался дым — но не обычный, а радужный, который рассыпался в воздухе на тысячи крошечных искорок.

— Это мой дом, — сказал Аэлин. — И теперь он твой тоже. Пойдём, я покажу тебе самое интересное место.

Они вошли в дом, и внутри он оказался ещё удивительнее, чем снаружи. Стены были сделаны из облаков, которые ме-

няли цвет в зависимости от настроения — сейчас они были нежно-голубыми, словно небо в ясный день. Пол был мягким, словно ковёр из мха, и при каждом шаге издавал тихий, приятный звук, словно маленькие колокольчики. Мебель была сделана из веток и листьев, но выглядела прочной и удобной. В углу комнаты стоял камин, в котором горел огонь — но не обычный, а синий, который не обжигал, а согревал приятным теплом.

Аэлин провёл Элору через несколько комнат, каждая из которых была удивительнее предыдущей. В одной комнате были полки, уходящие в бесконечность, и на них стояли книги, которые сами перелистывались, словно их читал невидимый читатель. В другой комнате был фонтан, из которого била не вода, а жидкий свет — он струился вверх, словно водопад наоборот, и рассыпался в воздухе на тысячи искорок. В третьей комнате был глобус, на котором были изображены не страны и океаны, а сны и мечты людей — Элора увидела маленькие светящиеся точки, и Аэлин сказал, что каждая из них — чья-то мечта.

Но самое интересное место было в самом конце дома. Аэлин открыл дверь, и Элора оказалась в комнате, которая была полностью пуста. Стены были белыми, пол был белым, потолок был белым. В комнате не было ни мебели, ни окон, ни дверей — только эта дверь, через которую они вошли.

— Что это? — спросила Элора, разочарованно оглядываясь. — Здесь же ничего нет.

— Это самое интересное место на свете, — ответил Аэлин. — Потому что здесь ты можешь создать всё, что захочешь. Эта комната — как чистый лист. Ты можешь нарисовать здесь любую картину, построить любой замок, создать любой мир. Всё, что ты представишь, станет реальностью.

Элара недоверчиво посмотрела на него. Но потом она закрыла глаза и представила себе сад — сад, полный цветов, каких она никогда не видела, с фонтанами и статуями, с качелями и беседками. Она представила, как гуляет по этому саду, вдыхая ароматы, слушая пение птиц. И когда она открыла глаза, комната исчезла. Вместо неё вокруг неё был сад — точно такой, как она представляла. Цветы покачивались на ветру, фонтан журчал, птицы пели. Элара засмеялась от восторга и захлопала в ладоши.

— Я сделала это! — воскликнула она. — Я действительно сделала это!

— Конечно, — сказал Аэлин, улыбаясь. — Здесь ты можешь всё. Ты можешь создать любой мир, какое угодно приключение. Ты можешь быть кем угодно — принцессой, путешественницей, волшебницей. Всё, что ты вообразишь, станет реальностью.

Элара провела в этой комнате, наверное, несколько часов. Она создавала и разрушала миры, строила замки и разрушала их, превращалась в разных существ и возвращалась обратно. Она была так увлечена, что не заметила, как прошло время. Но вдруг она почувствовала усталость — приятную,

тёплую усталость, словно после долгой прогулки. Она зевнула и потёрла глаза.

— Тебе пора, — сказал Аэлин мягко. — Твои родители ищут тебя. Они волнуются.

Элара вздрогнула. Она совсем забыла о доме, о родителях, о том, что она ушла утром и не вернулась. Она представила, как мама и папа бегают по парку, зовут её, заглядывают в каждый уголок. Ей стало стыдно.

— Мне нужно вернуться, — сказала она. — Но я не хочу уходить. Здесь так хорошо.

— Ты можешь вернуться сюда в любой момент, — сказал Аэлин. — Дверь всегда будет открыта для тебя. Но сейчас тебе действительно нужно домой. Твои родители волнуются, а ты ведь не хочешь, чтобы они грустили?

Элара покачала головой. Она очень любила своих родителей и не хотела, чтобы они волновались. Она взяла Аэлина за руку, и они пошли обратно — через комнаты, через сады, через поляны, мимо ручья с серебристой водой, мимо деревьев со светящимися листьями, мимо цветов, которые улыбались ей на прощание.

Они подошли к маленькой дверце, которая теперь была не в дупле, а просто висела в воздухе, словно картина без рамы. За ней была темнота, и Элара поняла, что это — путь домой.

— Спасибо, Аэлин, — сказала она. — Это было самое интересное место на свете. Я никогда его не забуду.

— Я знаю, — ответил Аэлин. — И я знаю, что ты вер-

нёшься. А теперь иди. И помни: чудеса всегда рядом, нужно только уметь их видеть.

Элара обняла Аэлина — он был тёплым и пах весенним лесом — и шагнула в темноту. Она снова почувствовала, как падает, словно перо, подхваченное ветром, услышала тихий звон колокольчиков, а потом открыла глаза.

Она стояла в старом парке, перед древним дубом. Солнце уже поднялось высоко, и день был в самом разгаре. Птицы пели, где-то лаяла собака, и всё было так, словно ничего не случилось. Элара посмотрела на дупло — оно было тёмным и обычным, и никакой дверцы внутри не было видно. Но девочка знала, что она там есть. Она чувствовала это.

Она побежала домой. Родители встретили её на пороге — бледные, с красными от слёз глазами. Они искали её всю ночь, обзвонили всех друзей и знакомых, даже хотели звонить в полицию. Мама схватила Элару в объятия и разрыдалась, папа обнимал их обоих, и его руки дрожали. Элара извинялась, говорила, что заблудилась, что уснула в парке, что не хотела их пугать. Она не рассказала им правду — она знала, что они не поверят. Взрослые не верят в волшебные двери в дуплах деревьев и в места, где сбываются мечты.

Весь день Элара провела дома. Мама не отпускала её от себя, папа то и дело заглядывал в комнату, словно проверяя, что она всё ещё здесь. Элара была послушной, не спорила, ела всё, что ей давали, и даже согласилась лечь спать раньше обычного. Но когда она осталась одна в своей комнате, она

подошла к стене и посмотрела на свою тень.

Тень была обычной — тёмный силуэт, повторяющий её движения. Элара подняла руку — тень подняла руку. Она наклонила голову — тень наклонила голову. Всё было как всегда.

Но потом Элара заметила что-то странное. Она стояла неподвижно, а тень... тень чуть заметно шевельнулась. Словно сделала шаг в сторону. Элара замерла, вглядываясь в тёмный силуэт на стене. Тень снова шевельнулась — едва заметно, но вполне отчётливо. Она не повторяла движений Элара. Она жила своей жизнью.

Девочка протянула руку к стене, и тень протянула руку навстречу. Но не совсем так, как должна была. Словно она была чуть медленнее, чуть более... самостоятельной.

Элара отпрянула. Сердце колотилось в груди. Она вспомнила слова Аэлина: «Ты — особенная девочка. Ты видишь то, чего не видят другие. Ты слышишь то, чего не слышат другие». Может быть, это было частью чуда? Может быть, тень — это не что-то страшное, а что-то... волшебное?

Она снова посмотрела на стену. Тень стояла неподвижно, словно ждала. Элара подняла руку и помахала. Тень помахала в ответ — теперь правильно, точно повторяя движение. Но в её очертаниях было что-то неуловимо другое — словно она улыбалась, хотя лицо Элара оставалось серьёзным.

Девочка легла в кровать и натянула одеяло до подбородка. Она смотрела на стену, где теперь лежала её тень — обыч-

ная, неподвижная, как и положено тени в свете ночника. Но Элара знала, что это только видимость. Она знала, что где-то там, в темноте, её тень живёт своей жизнью, словно отражение в зеркале, которое не хочет быть просто отражением.

С тех пор прошло много дней. Элара ходила в школу, играла с друзьями, помогала маме по дому. Она была обычной девочкой — весёлой, любопытной, немного мечтательной. Но каждый вечер, когда она оставалась одна в своей комнате, она смотрела на стену и ждала. И иногда — не каждый день, но достаточно часто, чтобы она знала, что это не выдумка, — её тень шевелилась сама по себе.

Она могла стоять неподвижно, глядя в окно, а тень на стене медленно поднимала руку и махала ей. Она могла сидеть за столом, делая уроки, и краем глаза видеть, как тень на стене наклоняется, словно пытаясь заглянуть в её тетрадь. Иногда тень принимала формы, которых не было у Элара — например, у неё появлялись длинные волосы, хотя волосы Элара были короткими, или она была выше, чем сама девочка. Словно тень была не отражением, а... кем-то другим. Кем-то, кто жил внутри неё или рядом с ней.

Элара не боялась. Она помнила Аэлина, помнила его слова о том, что она особенная, что она видит то, чего не видят другие. Она решила, что тень — это часть того чуда, которое она принесла с собой из волшебного места. Может быть, это был подарок. Может быть, это был друг. Может быть, это было напоминание о том, что чудеса всегда рядом.

Она пыталась поговорить с тенью. Шептала ей вопросы, просила показать что-нибудь, рассказать что-нибудь. Но тень не говорила. Она только двигалась — медленно, загадочно, словно танцуя свой собственный танец. Иногда Эларе казалось, что она понимает язык этого танца — что тень пытается ей что-то сказать, но не может, потому что у неё нет голоса.

Однажды ночью Элара проснулась от странного ощущения. В комнате было темно, только луна светила в окно, отбрасывая на стену серебристые тени. Девочка села в кровати и посмотрела на стену. Её тень была там — но она была не одна.

Рядом с тенью Элара стояла другая тень — маленькая, стройная, с длинными волосами. Она была похожа на... на Аэлина. Элара узнала очертания его фигуры, его острые уши, его платье из листьев. Тень Аэлина стояла рядом с тенью Элара, и они держались за руки.

Элара смотрела на них, затаив дыхание. Тень Аэлина подняла руку и помахала ей — так же, как махала ей сама Элара, когда прощалась с ним у маленькой дверцы. Девочка помахала в ответ, и слёзы навернулись ей на глаза. Она поняла: Аэлин не забыл её. Он всегда рядом, даже если она не может вернуться в его мир. Он живёт в её тени, в её отражении, в её сердце.

С тех пор Элара больше не боялась своей тени. Она знала, что это не что-то страшное, а что-то волшебное. Она знала,

что где-то там, за гранью обыденного, есть мир, полный чудес, и что она всегда может туда вернуться — если не сейчас, то потом, когда вырастет, когда будет готова к новым приключениям. А пока она будет жить обычной жизнью обычной девочки, но каждый вечер, глядя на стену, она будет улыбаться своей тени и знать, что чудеса всегда рядом.

Прошли годы. Элара выросла, стала взрослой, уехала в другой город, вышла замуж, родила детей. Она больше не вспоминала о волшебном месте в дупле старого дуба — или, может быть, вспоминала, но считала это детской фантазией, сном, который приснился ей однажды и растаял, как утренний туман. Но иногда, в редкие минуты тишины, когда она стояла у окна и смотрела на свою тень на стене, ей казалось, что тень шевелится сама по себе. И тогда она улыбалась и вспоминала девочку, которой когда-то была, и мир, полный чудес, который ждал её за маленькой дверцей в дупле древнего дуба.

А старый парк всё ещё стоял на прежнем месте. Дуб всё ещё рос, и дупло всё ещё зияло чернотой у его корней. И иногда, если очень внимательно прислушаться, можно было услышать тихий шёпот из глубины дупла — голос, который звал кого-то по имени, обещая показать самое интересное место на свете. Но взрослые не слышали его, а дети... дети иногда слышали. И некоторые из них, самые смелые и любопытные, заглядывали в дупло и видели маленькую дверцу с золотой ручкой. И тогда они открывали её и шагали в тем-

ноту, чтобы найти своё собственное чудо.

А тень Элары — та самая тень, которая иногда шевелилась сама по себе, — так и осталась с ней. Она была верным спутником, молчаливым другом, напоминанием о том, что чудеса существуют, если только уметь их видеть. И даже когда Элара стала совсем взрослой и серьёзной, она иногда ловила себя на том, что стоит перед стеной и смотрит на свою тень, ожидая, что она шевельнётся. И тень иногда шевелилась — едва заметно, словно подмигивая ей. И Элара улыбалась, зная, что где-то там, за гранью обыденного, её ждёт Аэлин и его мир, полный чудес, и что однажды она вернётся туда — когда будет готова к новым приключениям.

Ведь чудеса всегда рядом. Нужно только уметь их видеть.

Коллекционер пуговиц

Каспар был мальчиком, который любил исследовать. Ему было десять лет, и он был уверен, что в каждом доме есть места, куда взрослые не заглядывают, и что именно там прячутся самые интересные вещи. Он облазил подвал, где пахло сыростью и старыми банками с вареньем, и нашёл там коробку с ёлочными игрушками, которым было больше лет, чем его родителям. Он исследовал кладовку под лестницей, где висели зимние куртки и стояли коробки с обувью, и обнаружил там старый фотоаппарат, который всё ещё работал. Но чердак оставался последним неисследованным местом в доме.

Родители не запрещали ему туда ходить, но и не поощряли. «Там пыльно и ничего интересного», — говорила мама. «Только не трогай провода», — говорил папа. Каспар кивал, но про себя решал, что обязательно туда заберётся. И вот однажды, в дождливый субботний день, когда нельзя было выйти на улицу, он решил, что время пришло.

Лестница на чердак была узкой и скрипучей. Каспар поднимался по ней медленно, держась за перила, которые шатались под его рукой. Наверху было темно, и ему пришлось нащупать выключатель. Лампочка загорелась, заливая чердак тусклым жёлтым светом. Каспар огляделся.

Чердак был большим, с покатой крышей, и в нём пахло

пылью, деревом и чем-то ещё — чем-то старым и забытым, словно время здесь остановилось много лет назад. Вдоль стен стояли коробки, сундуки, старые стулья с отломанными ножками, чемоданы, обвязанные верёвками, и множество других вещей, назначение которых Каспар не мог определить с первого взгляда. В углу стояла старая швейная машинка, покрытая паутиной. На балках висели связки сушёных трав и старые лампы. Всё было покрыто толстым слоем пыли, и когда Каспар шагнул вперёд, пыль поднялась в воздух, заставив его чихнуть.

Он начал исследовать. В первой коробке оказались старые книги — потрёпанные, с пожелтевшими страницами, некоторые без обложек. Каспар перелистал несколько, но они были слишком скучными — какие-то справочники и учебники, которые его не заинтересовали. Во второй коробке были ёлочные украшения — стеклянные шары, фигурки животных, гирлянды, которые уже не горели. В третьей коробке лежала одежда — старая, вышедшая из моды, с запахом нафталина.

Каспар уже начал думать, что мама была права и на чердаке действительно нет ничего интересного, когда его взгляд упал на маленький сундук в самом дальнем углу. Он был не таким, как остальные — не картонный, а деревянный, обитый металлическими полосками, с замысловатым замком. Каспар подошёл к нему и попробовал открыть. Замок поддался не сразу, но после нескольких попыток крышка отки-

нулась с тихим скрипом.

Внутри лежала шкатулка. Она была небольшой, размером с ладонь взрослого человека, и сделана из тёмного дерева, покрытого резьбой. На крышке был вырезан узор — странный, замысловатый, похожий на спираль или лабиринт. Каспар провёл пальцем по резьбе и почувствовал, что дерево тёплое, словно шкатулка только что лежала в чьих-то руках.

Он открыл её. Внутри, в бархатном углублении, лежали пуговицы. Много пуговиц — разных размеров, форм и цветов. Были среди них круглые и квадратные, большие и маленькие, металлические и пластмассовые, стеклянные и деревянные. Были пуговицы с двумя отверстиями, с четырьмя, с одним и даже совсем без отверстий — с ушком на обратной стороне. Они переливались всеми цветами радуги, и когда Каспар пошевелил их пальцем, они зазвенели, словно маленькие колокольчики.

Мальчик начал перебирать их. Он выкладывал пуговицы на ладонь, рассматривал каждую, пытался представить, откуда она взялась. Вот пуговица из перламутра, переливающаяся нежно-розовым и голубым. Вот пуговица из тёмного металла, тяжёлая и холодная, с выгравированным на ней цветком. Вот пуговица из дерева, покрытая лаком, с двумя дырочками, похожими на глаза. Вот маленькая пуговица из синего стекла, прозрачная, как капля воды.

И вдруг его взгляд упал на одну пуговицу, которая отличалась от всех остальных. Она была сделана из чёрного стекла

— гладкого, блестящего, такого тёмного, что казалось, будто она поглощает свет. Она была круглой, с четырьмя отверстиями, расположенными квадратом. Но самое странное было в том, что она выглядела как глаз. Каспар не мог объяснить почему, но когда он смотрел на неё, ему казалось, что она смотрит в ответ. В ней было что-то живое, что-то внимательное, что-то... голодное.

Он взял её в руки. Пуговица была холодной, словно её только что вынули из морозилки. Каспар поднёс её к свету, пытаясь разглядеть, что внутри, но чёрное стекло было непроницаемым. Он видел только своё отражение — искажённое, странное, словно он смотрел на себя из глубины колодца.

Мальчик положил пуговицу обратно в шкатулку и закрыл крышку. Ему вдруг стало не по себе. Чердак, который только что казался интересным и загадочным, теперь казался тёмным и зловещим. Тени в углах словно шевелились, и Каспару показалось, что он слышит тихий шёпот — но, обернувшись, увидел только старые коробки и пыль.

Он взял шкатулку с собой. Не потому, что хотел, а потому, что чувствовал, что не может её оставить. Словно она ждала его, словно она хотела, чтобы он её нашёл.

Вечером Каспар сидел в своей комнате и снова перебирал пуговицы. Он выложил их на стол, разложил по цветам и размерам, пытаясь найти среди них какую-то систему. Но система не находилась. Пуговицы были случайным набором

— словно кто-то собирал их много лет, беря отовсюду, где мог найти. Каспар попытался представить, кто мог быть этим коллекционером. Может быть, его прабабушка? Или кто-то ещё, кто жил в этом доме до них? Он спросил у мамы, но она только пожала плечами и сказала, что не помнит никакой шкатулки с пуговицами.

Когда пришло время ложиться спать, Каспар убрал пуговицы обратно в шкатулку и поставил её на полку. Он надел пижаму — синюю, в мелкий белый горошек, с пуговицами на рубашке. Пуговицы были обычные, пластмассовые, белые. Он застегнул их все, забрался в кровать и выключил свет.

Ночью он проснулся от странного ощущения. Сначала он не понял, что его разбудило. В комнате было темно, только луна светила в окно, отбрасывая на пол серебристые полосы. Было тихо — так тихо, что Каспар слышал, как стучит его собственное сердце. Он лежал неподвижно, пытаясь понять, что не так.

И тут он почувствовал это. Что-то шевельнулось на его груди. Он опустил глаза и в лунном свете увидел, что верхняя пуговица на его пижаме... расстегнулась. Сама. Он не трогал её. Он был уверен, что застегнул все пуговицы перед сном. Но теперь она была расстёгнута, и ткань пижамы слегка разошлась, открывая кожу.

Каспар замер. Он хотел протянуть руку и застегнуть пуговицу, но что-то его остановило. Может быть, страх. Может быть, любопытство. Он лежал неподвижно и смотрел на пу-

говицу, словно ожидая, что она сделает что-то ещё.

И она сделала. Вторая пуговица — та, что была ниже — тоже расстегнулась. Медленно, словно невидимые пальцы потянули за край ткани. Каспар слышал тихий звук — словно кто-то очень осторожно вытягивал нитку из ткани.

А потом он услышал смех. Тихий, едва уловимый, словно доносившийся из другой комнаты или из другого мира. Смех был детским — высоким, звонким, но в нём было что-то неправильное. Что-то холодное. Что-то, от чего у Каспара по спине побежали мурашки.

Он резко сел в кровати и включил свет. Комната была пуста. Никого не было — ни под кроватью, ни в шкафу, ни за шторой. Пуговицы на пижаме были расстёгнуты — две верхние, — но больше ничего не произошло. Каспар застегнул их дрожащими пальцами и сидел в кровати, прислушиваясь. Смех больше не повторялся. Было тихо.

Он не спал всю ночь. Сидел, прижавшись спиной к подушке, натянув одеяло до подбородка, и смотрел на дверь. Ему казалось, что кто-то стоит за ней, что кто-то ждёт, когда он заснёт, чтобы снова приняться за своё дело. Но дверь не открывалась, и никто не входил. Только луна медленно двигалась по небу, и тени на стенах меняли форму.

Утром Каспар встал разбитым и уставшим. Он подошёл к полке, где стояла шкатулка, и открыл её. Пуговицы были на месте — все, кроме одной. Чёрная стеклянная пуговица, похожая на глаз, исчезла. Каспар перерыл всю шкатулку, вы-

сыпал пуговицы на стол, проверил каждую — но чёрной пуговицы нигде не было.

Он обыскал всю комнату. Заглянул под кровать, в шкаф, в ящики стола. Пуговицы нигде не было. Она просто исчезла — словно её никогда и не было.

Каспар спустился вниз, в кухню, где мама готовила завтрак. Он хотел рассказать ей о том, что случилось ночью, но не знал, как начать. «Мама, моя пуговица расстегнулась сама»? «Мама, я слышал смех»? Это звучало бы глупо. Мама решила бы, что он слишком много фантазирует или что ему приснился кошмар.

Но когда он сел за стол, он заметил что-то странное. На маминой блузке не было пуговиц. Вместо них были дырочки — маленькие, аккуратные, словно пуговицы были не оторваны, а... исчезли. Каспар посмотрел на папу, который читал газету за столом. На его рубашке тоже не было пуговиц. И на куртке, которая висела на крючке у двери. И на пальто в прихожей.

Он встал и пошёл по дому, заглядывая во все комнаты. Везде было одно и то же: пуговицы исчезли. С подушек, с наволочек, с чехлов на мебели, с одежды в шкафах. Даже с пульта от телевизора — маленькие кнопки-пуговицы, которые были там, куда-то делись. Мама заметила это только через час, когда начала одеваться на работу.

— Странно, — сказала она, вертя в руках блузку. — Куда все пуговицы подевались? Я же только вчера их пришивала.

— Может, ты забыла? — предположил папа, но и он выглядел озадаченным, обнаружив, что его любимая рубашка осталась без единой пуговицы.

Каспар молчал. Он знал, что это не совпадение. Пуговицы исчезли по всему дому — и это началось после того, как он принёс шкатулку с чердака. После того, как он нашёл чёрную пуговицу, похожую на глаз. После того, как она исчезла из шкатулки.

Он вернулся в свою комнату и снова открыл шкатулку. Пуговицы лежали там, как и раньше — разноцветные, разные, но теперь их было на одну больше. Каспар пересчитал. Да, на одну больше. Он высыпал их на стол и начал перебирать, пытаясь найти ту, которой раньше не было.

И нашёл. В самом низу, среди крупных металлических пуговиц, лежала маленькая белая пуговица. Каспар взял её в руки. Она была пластмассовой, с четырьмя отверстиями, точно такая же, как пуговицы на его пижаме. Но маленькая. Очень маленькая — размером с горошину.

Он посмотрел на свою пижаму, которая лежала на стуле. Верхняя пуговица была на месте, но... Каспар поднёс к ней маленькую пуговицу из шкатулки. Они были одинаковыми. Не просто похожими — идентичными. Словно маленькая пуговица была копией той, что была на его пижаме. Уменьшенной копией.

И тут Каспар понял. Пуговицы не просто исчезли. Они были собраны. Кем-то — или чем-то — что коллекциони-

ровало пуговицы. И теперь в шкатулке появилась новая — копия его собственной пуговицы. Словно кто-то отметил её. Словно кто-то сказал: «Эта пуговица — следующая».

Каспар похолодел. Он вспомнил чёрную пуговицу, похожую на глаз. Она исчезла из шкатулки — и появилась на его пижаме? Нет, на его пижаме были обычные пуговицы. Но чёрная пуговица... может быть, она была не просто пуговицей. Может быть, она была... наблюдателем. Сogleдателям. Тем, кто смотрел за ним, кто выбрал его, кто решил, что его пуговицы — следующие.

Он закрыл шкатулку и засунул её в ящик стола, подальше. Потом оделся — в футболку и джинсы, без пуговиц, насколько это было возможно. Молния на джинсах была металлической, но это была не пуговица. Каспар надеялся, что молнии не считаются.

Весь день он был сам не свой. В школе он то и дело проверял, на месте ли пуговицы на его одежде — но он специально надел вещи без пуговиц. Дома он ходил за мамой по пятам, словно надеясь, что она защитит его от чего-то, чего он сам не мог назвать. Мама решила, что он заболевает, и измерила ему температуру. Температуры не было.

Ночью Каспар лёг в кровать, натянув одеяло до самого подбородка. Он не стал надевать пижаму — вместо неё он надел старую футболку без пуговиц и спортивные штаны на резинке. Он лежал в темноте, прислушиваясь к каждому звуку, и ждал.

Сначала было тихо. Потом он услышал тихий шорох — словно что-то маленькое и лёгкое двигалось по полу. Он замер, боясь даже дышать. Шорох приблизился к кровати. Каспар почувствовал, как что-то коснулось края одеяла — легонько, словно пальцем. Он зажмурился и натянул одеяло ещё выше, закрывая голову.

Шорох продолжался. Что-то кружило вокруг кровати, словно искало вход. Каспар слышал тихое постукивание — словно маленькие ноготки стучали по полу. Потом раздался тихий смех — тот же самый, что он слышал прошлой ночью. Детский, звонкий, но холодный.

Он лежал под одеялом, свернувшись в клубок, и ждал. Смех стих. Шорох прекратился. Каспар не знал, сколько прошло времени — может быть, минуты, может быть, часы. Но в какой-то момент он понял, что всё стихло. Он осторожно высунул голову из-под одеяла.

В комнате было темно, но лунный свет проникал через окно. Каспар осмотрелся. Всё было на месте. Дверь закрыта, шкаф закрыт, окно закрыто. И тут он увидел это.

На полу, у самой кровати, лежала пуговица. Маленькая, белая, пластмассовая — точно такая же, как те, что были на его пижаме. Но не его. Она была слишком маленькой. Размером с горошину. Такая же, как та, что появилась в шкатулке.

Каспар смотрел на неё, не смея пошевелиться. Пуговица лежала неподвижно, но ему казалось, что она смотрит на него. Что она ждёт. Что она говорит ему: «Мы ещё не закон-

чили».

Утром он первым делом бросился к шкатулке. Он открыл ящик стола, достал её, открыл крышку. Пуговицы были на месте — все, кроме одной. Маленькая белая пуговица, которая появилась вчера, исчезла. Вместо неё в шкатулке лежала новая — чёрная, стеклянная, с четырьмя отверстиями. Та самая пуговица, похожая на глаз. Она вернулась.

Каспар захлопнул шкатулку и отбросил её от себя. Она упала на пол, крышка открылась, и пуговицы рассыпались по полу — десятки, сотни маленьких кружочков, переливающихся в утреннем свете. Но Каспар не стал их собирать. Он выбежал из комнаты и спустился вниз, к родителям.

Он рассказал им всё. Про чердак, про шкатулку, про чёрную пуговицу, про то, как пуговицы расстёгивались сами, про смех, про исчезнувшие пуговицы по всему дому, про новую пуговицу в шкатулке. Он говорил быстро, захлёбываясь словами, боясь, что они не поверят, боясь, что они решат, что он сошёл с ума.

Мама и папа слушали молча. Когда он закончил, они переглянулись. Мама присела рядом с ним и обняла его.

— Каспар, — сказала она мягко. — Ты, наверное, перенервничал. Все эти пуговицы... может быть, ты сам их куда-то переложил и забыл? А ночью тебе просто приснился плохой сон.

— Но пуговицы по всему дому! — воскликнул Каспар. — Они же исчезли! Ты сама видела!

— Да, — согласилась мама. — Но, может быть, это я их куда-то убрала и забыла. Или папа. Взрослые тоже иногда забывают вещи.

Папа кивнул.

— А шкатулка... — продолжила мама. — Может быть, её кто-то оставил на чердаке много лет назад. Может быть, это чья-то коллекция. Но она не может быть... живой. Пуговицы не могут расстёгиваться сами. И смех... это, наверное, был скрип дома. Старые дома всегда скрипят.

Каспар слушал их и понимал, что они не верят. Они хотели верить, что всё в порядке, что это просто детские страхи, что нет ничего сверхъестественного. Но он знал, что они ошибаются. Он знал, что видел и слышал.

Он вернулся в свою комнату и собрал пуговицы с пола. Он сложил их обратно в шкатулку — все, кроме чёрной. Чёрную пуговицу он взял в руки и долго смотрел на неё. Она была холодной и гладкой, и ему казалось, что она пульсирует — едва заметно, словно сердце.

Он отнёс шкатулку обратно на чердак. Он поставил её в тот самый сундук, где нашёл, и закрыл крышку. Потом спустился вниз и плотно закрыл дверь на чердак. Он надеялся, что если вернуть шкатулку туда, откуда она пришла, всё закончится. Что пуговицы перестанут исчезать. Что смех прекратится.

Но он ошибался.

Этой ночью он снова проснулся от того, что пуговица на

его пижаме — он всё-таки надел пижаму, потому что не мог найти футболку без пуговиц — расстегнулась сама. Он лежал неподвижно, чувствуя, как вторая пуговица расстёгивается следом. И снова услышал смех — тихий, звонкий, издевательский.

Он не стал включать свет. Он просто натянул одеяло на голову и лежал так до утра, дрожа от страха. Он знал, что шкатулка на чердаке, что он вернул её, но пуговицы всё равно исчезали. Значит, дело было не в шкатулке. Дело было в чём-то другом.

Может быть, в чёрной пуговице. Он оставил её у себя — в кармане пижамы. Может быть, именно она была ключом. Может быть, она была тем, что связывало шкатулку с ним. И пока она у него, пуговицы будут исчезать. Пока она у него, кто-то будет приходить ночью.

Утром он достал чёрную пуговицу из кармана. Она была там — холодная, гладкая, похожая на глаз. Каспар смотрел на неё и думал: что делать? Выбросить? Но куда? Если он выбросит её, может быть, кто-то другой найдёт её. Может быть, кто-то другой начнёт терять пуговицы. А может быть, она вернётся к нему — как вернулась в шкатулку.

Он решил закопать её. В саду, глубоко в земле, где никто не найдёт. Он взял лопатку и вышел в сад. Выкопал ямку под старым деревом, положил туда чёрную пуговицу, засыпал землёй и притоптал ногами. Потом вернулся в дом и попытался забыть обо всём.

Несколько дней ничего не происходило. Пуговицы на его одежде оставались на месте. По ночам он спал спокойно — или почти спокойно, потому что всё равно натягивал одеяло до подбородка и прислушивался к каждому звуку. Но смех не повторялся. Пуговицы не расстёгивались. Каспар начал думать, что всё закончилось.

Но потом, на пятый день, он нашёл на подоконнике в своей комнате маленькую белую пуговицу. Она лежала на самом видном месте — словно кто-то положил её туда специально, чтобы он увидел. Каспар взял её в руки. Она была точно такой же, как пуговицы на его пижаме. Но маленькой. Очень маленькой.

Он выбросил её в окно. Она упала в траву и исчезла из виду. Но на следующий день он нашёл ещё одну — на своей подушке. И ещё одну — в кармане куртки. И ещё одну — в школьном рюкзаке. Маленькие белые пуговицы появлялись повсюду, словно кто-то играл с ним, словно кто-то напоминал ему: «Я здесь. Я не ушёл. Я жду».

Каспар перестал спать без одеяла. Он натягивал его до самого носа, заворачивался в него, словно в кокон, и лежал так всю ночь, боясь пошевелиться. Он знал, что где-то там, в темноте, кто-то ждёт. Кто-то, кто коллекционирует пуговицы. Кто-то, кто уже забрал все пуговицы в доме. Кто-то, кто теперь ждёт его единственную пуговицу — ту, что осталась на его пижаме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.